Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 56–64.
ISSN 1999-5407 (print).
Chelyabinskij Gumanitarij. 2026; 2 (75), 56–64.
ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья
УДК 316.7:394.26
DOI 10.47475/1999-5407-2026-75-2-56-64

СЦЕНАРНАЯ МАТРИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА: НОВОЕ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Диана Алексеевна Малышева
Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
Diana-m@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция сценарной матрицы государственных праздников как инструмента символической политики и конструирования национальной идентичности. Автор вводит понятие «сценарная матрица», определяя её как устойчивую модель организации торжества, включающую нарративные, семиотические, коммуникативные и пространственно-временные элементы. На материале сценариев праздников, реализованных в Челябинске в период 2016–2025 гг., с применением контент- и нарративного анализа выявляются ключевые тренды трансформации праздничной культуры. Результаты демонстрируют сдвиг от сугубо мемориального характера праздников к мобилизационному: фиксируется резкое увеличение доли актуальных политических элементов, доминирование локального (этнокультурного) вектора идентичности над универсальным, рост частоты использования государственной символики и усложнение форматов (полиформатность, иммерсивность). Отдельно анализируется эволюция нарратива (от исторической реконструкции к мобилизационному синтезу) и ритуально-церемониального компонента. Делается вывод о том, что сценарная матрица выступает механизмом идентификационного программирования, обеспечивающего синхронизацию коллективных переживаний и воспроизводство желаемого типа гражданина в соответствии с актуальными идеологическими ориентирами.
В культурологической перспективе исследование доказывает, что современный государственный праздник трансформируется в гибридный текст, где архаичные ритуальные структуры наполняются актуальным политическим содержанием, что позволяет рассматривать сценарную матрицу как динамичную модель репрезентации коллективной памяти. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ региональных практик, выявление универсальных механизмов конструирования праздничной идентичности, а также на изучение рецепции праздничных сценариев массовой аудиторией, что открывает перспективы для прогнозирования эффективности символической политики и разработки рекомендаций для специалистов ивент-индустрии.

Ключевые слова*:* государственный праздник, сценарная матрица, символическая политика, национальная идентичность, историческая память, нарратив, ивент-индустрия.

Для цитирования: Малышева Д. А. Сценарная матрица государственного праздника: новое или забытое старое? // Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 56–64. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-56-64

Original article

THE SCENARIO MATRIX OF A STATE HOLIDAY: NEW OR FORGOTTEN OLD?

Diana A. Malysheva
Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia
Diana-m@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of the scenario matrix of state holidays as a tool of symbolic politics and the construction of national identity. The author introduces the concept of a "scenario matrix," defining it as a stable model for organizing a celebration, encompassing narrative, semiotic, communicative, and spatio-temporal elements. Based on an analysis of holiday scenarios implemented in Chelyabinsk between 2016 and 2025, and employing content and narrative analysis, the study identifies key trends in the transformation of festive culture. The results demonstrate a shift from a purely commemorative nature of holidays to a mobilizational one: a sharp increase in the proportion of current political elements, the dominance of the local (ethno-cultural) identity vector over the universal one, a rise in the frequency of state symbolism use, and the increasing complexity of formats (multi-format, immersive experiences). The evolution of the narrative (from historical reconstruction to mobilizational synthesis) and the

ritual-ceremonial component is analyzed separately. The author concludes that the scenario matrix serves as a mechanism for identity programming, ensuring the synchronization of collective experiences and the reproduction of a desired type of citizen in accordance with current ideological guidelines.
From a cultural studies perspective, the research proves that the contemporary state holiday is transforming into a hybrid text, where archaic ritual structures are filled with current political content, allowing the scenario matrix to be viewed as a dynamic model for the representation of collective memory. Future research may focus on a comparative analysis of regional practices, identifying universal mechanisms for constructing festive identity, as well as studying the reception of holiday scenarios by the mass audience. This opens up prospects for predicting the effectiveness of symbolic politics and developing recommendations for event industry professionals.

***Key words**:* state holiday, script matrix, symbolic politics, national identity, historical memory, narrative, event industry.

For citation: Malysheva D. A. (2026). The scenario matrix of a state holiday: new or forgotten old? *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (75), 56–64. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-56-64

Введение

Современная государственная праздничная культура является мощным инструментом символической политики, направленной на консолидацию общества вокруг ключевых ценностных и идеологических ориентиров. В этом смысле, государственный праздник в современном мире давно перестал быть лишь «календарной отметкой» исторического события. Он представляет собой сложный социокультурный и политический феномен, «инсценированную коллективную идентичность», сценарий которой является ключевым текстом, структурирующим эту инсценировку при помощи, так называемых «инженеров смыслов» (Арканникова, 2022).

Сценарные практики выступают (как сюжетная схема и прообраз события) не просто как описание мероприятия, но как программирование и конструирование определенной версии прошлого, настоящего и желаемого будущего страны. Универсальная значимость сценария видится даже в том, что данный термин используется не только в контексте изучения праздников, но и целой жизни человека – «сценарий жизненного пути» или «жизненный сценарий личности» (Рахимова, Кузнецова, 2025). Специалист ивент-индустрии согласится с тем, что сценарий является фундаментом, на котором держится любое масштабное празднество. Это не просто перечень номеров и реплик, но сложносочиненный текст, в котором закодированы ключевые смыслы, ценности и идеологические послания, транслируемые организаторами зрителю. Через структуру, подбор художественного материала и расставленные акценты сценарий формирует определенную оптику восприятия события, направляет эмоции аудитории и предлагает ей некую систему координат для понимания происходящего: «Задача специалистов праздничной режиссуры, опираясь на родовую память народа, языком искусства и его видов, через свои авторские оригинальные приемы, создавать действо, способное возбуждать эмоционально-чувственное состояние души человека» (Черкашенинов, 2019: 17).

Анализ сценария государственного праздника позволяет выйти за рамки внешней зрелищности и увидеть механизмы конструирования общественного сознания, идентичности и памяти, которые актуализируются в конкретный исторический момент. Вместе с тем, несмотря на творческую индивидуальность сценаристов, на ситуации индивидуальных «озарений» или же, – конкретных заказов (Плотников, Липодат, 2020), казалось бы, исключающих унификацию и повторяемость, на наш взгляд, можно говорить о существовании обобщенной ***сценарной матрицы*** государственного праздника – как своего рода «сквозного действия» праздника. Так, К. С. Станиславский использовал образ курьерского поезда, чтобы наглядно объяснить понятие «сквозное действие», которое связывает все эпизоды спектакля и движется к финальной цели – «сверхзадаче». Сквозное действие, как и поезд, проходит через все станции (эпизоды), не останавливаясь, пока не достигнет конечной цели, которой в его системе является сверхзадача спектакля (Станиславский, 1957). Это сквозное единство обеспечивается, на наш взгляд, целью и смыслом любого государственного праздника, работающего на сплочение общества вокруг общенациональной идеологии. И в этом смысле, сценарий любого государственного праздника – совпадает по основным контурам. Здесь, как писал когда-то немецкий философ Эрнст Кассирер о политических мифах: «Если мы попытаемся разложить наши современные политические мифы на их составные части, то обнаружим, что они не содержат ни одной новой черты. Все они были уже достаточно хорошо известны» (Кассирер, 1990: 58).

Вместе с тем, на примере анализа сценариев мы можем оценивать актуальную ситуацию, формирование общественного запроса на транслируемые идеи и ценности, которую существуют не в абстрактном поле, а транслируются в непосредственной жизни праздничной культуры России.

Цель, методы и материал исследования

Прежде всего, обозначим собственное понимание ключевого термина «сценарная матрица». Очевидно, что речь в данном случае идет о *каркасе* и *алгоритме* празднования. То есть, под сценарной матрицей государственного праздника мы будем понимать – устойчивую модель организации и проведения

официального торжества, конструирующую символическую проекцию всего действа через комплекс взаимосвязанных элементов (нарративных, семиотических, коммуникативных и пространственно-временных), призванных сформировать необходимую эмоционально-действенную атмосферу празднования.

Разберем основные элементы, входящие в сценарную матрицу государственного праздника:

1. Нарративные – основные сюжетные ходы, а также идеи, транслируемые через праздник («народное единство», «самобытность», «военная слава» и т.д.) и ценности (патриотизм, верность традициям, готовность жертвовать, уважение к государству), призванные объединять аудиторию праздника;

2. Семиотические – центральные символы как набор используемых визуальных, аудиальных, вербальных маркеров (флаги, гербы, гимн, специфическая цветовая гамма, лозунги и т.п.);

3. Коммуникативные – ритуально-церемониальный компонент (минута молчания, возложение цветов, парад, запуск салюта, коллективное пение гимна), последовательность эпизодов «театральности» и распределение функций участников праздничного события (официальные лица, исполнители, вовлекаемая аудитория);

4. Пространственно-временные – встроенность праздничного действия в конкретные пространственные «декорации» (места памяти, залы, площади и т.д.) и темпоральный режим (от привязки к праздничной дате до хронометража события).

Хотя сценарная матрица и определяется нами как устойчивая модель взаимосвязанных элементов, эта устойчивость не исключает определенной спонтанности реального праздничного действия. Поясним, в чем видится различие сценарной матрицы государственного праздника от конкретного сценария этого же праздника. Сценарную матрицу мы рассматриваем как *универсальную модель* (архитектуру различных праздников, обеспечивающих их идеологическую и символическую синхронизацию), а сценарий – как *уникальное воплощение* в конкретном праздничном событии. Один и тот же сценарный каркас может порождать бесконечное множество уникальных праздничных сценариев.

В данной статье мы ставим цель выявить и проанализировать ключевые векторы эволюции стратегий развития сценарной матрицы государственных праздников на материале сценариев, реализуемых в Челябинске – крупном индустриальном и административном центре, чьи практики репрезентативны для общероссийского тренда. Хронологические рамки исследования (2016-2025 гг.) позволяет проследить диахронические сдвиги в праздничных ритуалах. Материалом исследования стали сценарии, подготовленные в рамках деятельности АНО «Дирекция фестивальных и культурно-массовых мероприятий Челябинской области».

Методология исследования включает контент-анализ сценарных планов, нарративный анализ и количественный подсчет ключевых категорий (представленность конкретных элементов в сценарии) по следующим линиям:

– *темпоральная линия:* актуальные и мемориальные элементы;

– *вектор национальной идентичности*: локальное (фольклорное, этническое, национально-историческое) или универсальное измерение;

– *используемый материал:* документальная или художественная основа;

– *использование государственных символов*: наличие или отсутствие;

– э*моциональная тональность*: позитивные или негативные элементы;

– *формат празднования*: моноформатная или полиформатная структура.

Кроме того, мы обращались к нарративному анализу сценариев, оценивая в них ранее выделенные нами элементы сценарной матрицы.

Результаты исследования

Анализ представленных сценариев государственных праздников позволил нам выявить ключевые тенденции в их построении. Ниже представлены таблицы с количественным анализом по заданным линиям и параметрам (эволюция во временной перспективе).

Таблица 1– Темпоральная линия: актуальные/мемориальные элементы (количество упоминаний)

Период	Актуальные элементы	Мемориальные элементы	Соотношение актуальное/ мемориальное
2016-2019	8-12 элементов (5-8%)	140-160 элементов (92-95%)	1:14
2020-2021	15-20 элементов (10-12%)	130-140 элементов (88-90%)	1:7
2022-2025	45-60 элементов (25-35%)	110-120 элементов (65-75%)	1:2

Анализ данных Таблицы 1 выявляет сдвиг в политике исторической памяти и построения национальной идентичности, произошедший после 2022 года (в соотношении актуального и мемориального дискурсов).

За 7 лет доля актуальных элементов выросла с 5-8% до существенных 25-35%, то есть увеличилась в 4-5 раз. Подчеркнем, речь не идет здесь об отсутствии мемориальной линии, но о ее переосмыслении, актуализации памяти как ресурса современной культурной ситуации. Соотношение 1:2 означает, что каждый третий элемент сценария теперь работает не на память о прошлом, а на героизацию настоящего.

Таблица 2 – Вектор национальной идентичности: локальное/универсальное (количество упоминаний)

Период	Локальное измерение	Универсальное измерение	Соотношение уникальное/ универсальное
2016-2019	50-60 элементов (35-40%)	90-100 элементов (60-65%)	1:1.7
2020-2021	65-75 элементов (45-50%)	70-80 элементов (50-55%)	1:1.1
2022-2025	85-100 элементов (55-65%)	55-65 элементов (35-45%)	1.6:1

Результаты анализа Таблицы 2 указывают на то, что, если в 2016-2019 годах преобладали универсальные элементы (60-65%), что отражало стремление к гражданской идентичности, основанной на многонациональности и общечеловеческих ценностях. Однако с 2020 года начался рост локальных элементов, и к 2022-2025 годам их доля достигла 55-65%. Этот тренд свидетельствует о сознательном выборе в пользу этнокультурного компонента как основы национальной идентичности. Локальное измерение теперь доминирует, что отражает общую тенденцию к суверенизации культурного пространства и акценту на традиционных ценностях.

Таблица 3 – Используемый материал

Период	Документальные элементы	Художественные элементы	Соотношение документальное/ художественное
2016-2019	95-110 элементов (65-70%)	45-55 элементов (30-35%)	2:1
2020-2021	80-90 элементов (55-60%)	60-70 элементов (40-45%)	1.3:1
2022-2025	70-80 элементов (45-50%)	75-85 элементов (50-55%)	1:1.1

Как можно убедиться, за 7 лет соотношение документальных и художественных элементов изменилось с выраженного доминирования документального подхода (2:1) к практическому паритету (1:1.1). Все же, здесь наблюдается некоторое движение от истории как памяти – к истории как мифу. Художественные элементы позволяют воздействовать напрямую на эмоции, минуя критическое осмысление. Они создают не фактологическую, а чувственную реальность.

Таблица 4 – Государственная символика: использование или отсутствие символов (количество случаев)

Период	Использование символов	Отсутствие символов	Частота использования
2016-2019	25-30 случаев (85-90%)	3-5 случаев (10-15%)	5-6 раз на сценарий
2020-2021	28-33 случая (90-95%)	1-2 случая (5-10%)	6-7 раз на сценарий
2022-2025	35-40 случаев (95-100%)	0 случаев (0%)	8-10 раз на сценарий

За 7 лет частота использования символов в сценариях возросла почти вдвое: с 5-6 до 8-10 раз, а доля сценариев, где они вообще не использовались, упала до нуля. Это язык единства, силы и суверенитета, не требующий развернутой расшифровки.

Таблица 5 – Эмоциональная тональность (количество элементов)

Период	Позитивные элементы	Негативные элементы	Соотношение позитив/негатив
2016-2019	85-95 элементов (55-60%)	65-75 элементов (40-45%)	1.3:1
2020-2021	80-90 элементов (50-55%)	70-80 элементов (45-50%)	1.1:1
2022-2025	75-85 элементов (45-50%)	80-90 элементов (50-55%)	1:1.1

Преобладание негативных элементов говорит о своеобразном переходе от праздничного единства – к внутренней и внешней пост-праздничной мобилизации, сплоченности. Ориентируясь на ранее выделенный нами (при исследовании темпоральной линии) акцент на актуальной ситуации, мы можем говорить о том, что этот мобилизационный ресурс указывает на преодоление прежних угроз: «…если в памятном событии и сохраняется память о правремени, великом хаосе, в котором зарождается общество, сила этого события

такова, что о нем можно только помнить, нейтрализовать праздничным воспоминанием. Оно угрожает сегодняшнему порядку настолько, насколько этот порядок заранее устраняет событие и подменяет его памятной датой. Следовательно, связь с памятным событием осуществляется для того, чтобы присвоить его «результат», показать, что ничто подобное сейчас не грозит…» (Ванченко, 2008: 31).

Таблица 6 – Формат празднования

Период	Моноформатный	Полиформатный	Соотношение моно/поли
2016-2019	110-120 элементов (75-80%)	30-40 элементов (20-25%)	3:1
2020-2021	90-100 элементов (60-65%)	55-65 элементов (35-40%)	1.6:1
2022-2025	60-70 элементов (40-45%)	85-95 элементов (55-60%)	1:1.4

Анализ данных Таблицы 6 демонстрирует переход от линейных форматов к комплексным мультимедийным производствам. Начинается активное внедрение дополнительных форматов – театрализация, проекции, интерактивные элементы. Традиционная основа сохраняется, но обогащается новыми выразительными средствами. Праздник превращается в синтетическое шоу, где соединяются театр, кино, хореография, цифровые технологии, интерактив. Сложные полиформатные постановки создают эффект погружения, воздействуя одновременно на несколько каналов восприятия. Это значительно усиливает эмоциональный резонанс и запоминаемость ключевых смыслов.

В целом, обобщая результаты представленных таблиц, мы можем говорить о нескольких трендах: тренд на актуализацию текущего политического момента (резкое увеличение соответствующих элементов политизации после 2022 года); суверенность – усиление уникальности и самобытности России; символизация – всё большее присутствие государственной символики; технологизация и преобладание полиформатных элементов праздничного действа. Эволюция показывает трансформацию праздников из сугубо мемориальных в мобилизационные инструменты с усилением идентификационных элементов (государственной символики) и усложнением форматов подачи.

Рассмотрим отдельно эволюцию нарратива государственного праздника. Осуществленный нами анализ сценариев, позволил выделить три ключевые фазы эволюции нарративных стратегий:

Фаза исторической реконструкции (2016-2018 гг.) – сценарий строится как прямая, почти иллюстративная театрализация ключевого события-основания. Прошлое представляется как герметичный, самодостаточный и безусловно позитивный нарратив, подлежащий воспроизведению. Время и место действия в таких сценариях конкретизированы: «*Граждане Нижегородские!.. Надо начинать великое дело... чтобы было доброе войско, нужно идти на врага всей землей!*» (реплика Минина). Дидактическая цель явлена вполне очевидно: «*Главная мысль звучит ясно и чётко: Единство – вот наше главное оружие!*». История здесь – это учебник, а праздник – его наглядное пособие. Или, например, сценарий «золото Победы» (2016 г.): эпилог парада построен на инсценировке тылового подвига через метафору общего вклада («*золото» в разных контекстах*). Стихотворный ряд, где боец, кузнец, сталевар и шахтер передают друг другу заслугу в победе, создает модель тотальной мобилизации, лишенной, однако, прямых аналогий с современностью. Это – канонизация прошлого в его «чистом» виде.

Переходная фаза (2019-2021 гг.) – рефлексивный диалог и поиск личной связи. В этот период возникает рефлексия над самой возможностью связи с прошлым. Нарратив усложняется, в него вводится фигура современника, который не просто наблюдает, но и активно «взывает» к предкам. В качестве иллюстративного примера здесь может выступать сценарий Дня Победы 2019 года «МЫ – ЭХО». Вводится концепт «моста» как хронотопа диалога: «*Что если можно было бы попасть в ту страшную войну, отыскать молодого солдата... и сказать: «Я твой правнук и вы подарите нам Победу!»*». Здесь происходит интериоризация истории – она становится не внешним знанием, а внутренним, личностно переживаемым опытом. Актёры выходят через зал, символически стирая границу между прошлым и настоящим. Монологи «Это правда», где артисты рассказывают о своих реальных предках, работают на создание «эффекта достоверности» и превращают большую Историю в совокупность семейных микро-историй. Или в праздновании Дня России «Россия, мы дети твои» (2019 г.), где акцент смещается на преемственность поколений. Сценарий построен на метафоре детства как будущего страны. Ведущие – дети, их реплики («*Мы дети твои, Россия! Ты -- наше небо синее...*») создают образ органической связи с Родиной-матерью. История здесь – не столько предмет для изучения, сколько генетический код.

Мобилизационная фаза (с 2022 г. по настоящее время) – синтез и легитимация настоящего. Эта фаза характеризуется прямым и наглядным слиянием исторического и актуального политического дискурсов. Прошлое перестает быть отдельной эпохой и становится метафорой вечного противостояния, в котором Россия участвует сегодня. Так, например, современные военнослужащие включаются в единый пантеон героев наравне с ветеранами Великой Отечественной Войны. Приведем в качестве примера сценарий Дня

России 2024 года «Русские маяки». Концепция «маяков» (выдающихся личностей) – позволяет создать список героев, где полководец Александр Суворов, снайпер Василий Зайцев и современный участник СВО оказываются в одном смысловом ряду. Участник СВО в художественном переходе говорит: «*Сегодня именно в таких героях мы -- участники СВО -- черпаем силы*». Это создает эффект «вечного настоящего» в истории России, которое характеризуется перманентной борьбой с внешним врагом и постоянным наличием героев-защитников. В сценарии 2022 года на День Победы хореографическая группа выстраивает символ «Z» из георгиевской ленты – пример того, как новый политический символ инкорпорируется в традиционный визуальный код, обретая таким образом легитимность и сакральность.

Эволюция нарратива неразрывно связана с усложнением визуального языка, который из набора символов превращается в целостную воздействующую среду. Здесь вполне очевидно использование архетипических символов-констант: сакрализованных визуальных кодов, выполняющих роль «скреп»: колокол (ключевой лейтмотив в праздновании Дня России в 2018 г.), Огонь (Вечный огонь, огонь Победы) и другие. Важно подчеркнуть, например, что «Знамя/Флаг» – эволюционирует от атрибута к центральному объекту. Если в ранних сценариях это дополнительный атрибут, то к 2022-2025 гг. развертывание огромного (12х8 м) триколора или Знамени Победы становится кульминационным актом, визуальной доминантой, требующей массового участия.

Еще одна заметная тенденция – технологизация и медиатизация праздников. Если на ранних этапах чаще использовались материальные декорации («крепостная стена», «звонница», «наковальни»), то с течением времени всё ощутимее доминируют проекционные технологии. В сценарии 2019 года проекционная сетка становится ключевым элементом, позволяющим осуществлять «наезд» видео на живых актеров, создавать эффект призрачности прошлого («*За сеткой становится видно Актера...*»). В уже упоминаемом нами сценарии «МЫ – ЭХО» «нитяной занавес» и видео-проекции на него («звезды», «дым», «портреты») создают сложную многослойную реальность, где физическое и цифровое пространства сливаются. Визуальный ряд становится тотальным и иммерсивным, спецэффекты («искрометы», «тяжелый дым», «холодные фонтаны») используются не как украшение, а как эмоциональные акценты, усиливающие ключевые моменты.

Несмотря на временные различия, все сценарии построены на едином каркасе (что и позволяет говорить нам о сценарной матрице государственного праздника) – «патриотическом метанарративе», который включает несколько универсальных черт.

– ***Триада «Жертва – Подвиг – Преемственность»:*** это основа любого сценария. Прошлое дает пример жертвы и подвига (военного или трудового), настоящее осмысляет и принимает эту эстафету, а будущее (олицетворяемое детьми, кадетами, молодыми специалистами) приносит клятву верности. Конечно, именно День Победы предстает как эмоционально насыщенный, сакральный праздник. Здесь максимально выражены мотивы страдания, памяти как долга («Никто не забыт, ничто не забыто») и личной ответственности за сохранение завоеванного предками мира. Подвиг тыла («Танкоград») ставится на один уровень с фронтовым.

– ***Идея «многонародного единства»:*** подчеркивается, что Россия – это семья народов, объединенных общей судьбой. На Дне России это лейтмотив (парады дружбы народов, этнические танцы), на День Победы – акцент на многонациональном составе советского народа, на День единства – изначальная идея объединения разных сословий. Ключевой нарратив Дня народного единства – преодоление смуты через консолидацию «снизу». Акцент на том, что инициатива исходила от народа (Минин и Пожарский как его выразители), что делает этот праздник моделью для преодоления любых внутренних кризисов.

– ***Сакрально-светская синергия:*** обязательный протокольный блок, включающий выступление Губернатора (представитель государства) и иерархов РПЦ и ислама (представители традиционных конфессий), символизирует неразрывную связь власти, народа и «духовных скреп».

Ритуально-церемониальный компонент (коммуникативные элементы сценарной матрицы) остается ядром всех праздников, но в его исполнении и символическом наполнении также отмечаются некоторые эволюционные процессы. Коллективное исполнение гимна, минута молчания (ко Дню Победы), парад, выступления первых лиц и представителей традиционных конфессий образуют незыблемый каркас, цементирующий официальный дискурс. Однако, если изначально ритуалы были преимущественно зрелищными (возложение цветов, прохождение колонн), то со временем они становятся более иммерсивными и эмоционально насыщенными. Минута молчания обрастает сложной режиссурой: метроном, свечи, видеоряды с портретами павших, что усиливает личностное сопереживание. Ритуал награждения, ранее сугубо официальный, превращается в публичную историю о подвигах современных героев (участников СВО, тружеников тыла), создавая прямую связь между прошлым и настоящим.

Театрализация и распределение ролей демонстрируют переход от монолога к диалогу. Официальные лица (губернатор, духовенство) сохраняют роль идеологических трансляторов, но их речи все чаще включают отсылки к актуальным событиям (СВО, трудовые подвиги), адаптируя праздник к текущему

моменту. Аудитория не действует как пассивный зритель, а является соучастником праздничного сценария. Это достигается через: прямые интерактивы (коллективное пение «Катюши» вместе с залом); включение в сценарий реальных людей (ветеранов, участников СВО, молодых специалистов), которые делятся личными историями, делая праздник более человечным и достоверным («голоса правды»); стимулируемую активность в пространстве фойе (фотозоны, оркестры, выставки), стирающую границу между «сценой» и «залом».

Отдельного внимания заслуживает пространственно-временной компонент, который в современной ивент-индустрии оценивается как «объективный закон» успешности массового зрелища: «Место их проведения не только выступает уникальным выразительным средством режиссера, но и становится благоприятным условием для успешной драматургической деятельности. Оно содействует зрелищному синтезу театрализованного действа, служит его естественным дополнением и неотъемлемым компонентом, концентрирует и подчеркивает идейнообразное звучание, мобильность и условный характер, придает ему черты неповторимости и выразительности» (Белозерова, 2024: 133).

Как показывает осуществленный нами анализ сценарной матрицы государственных праздников, пространственно-временная динамика эволюционирует от устойчивой фиксации к гибкому моделированию – через использование разных типов локаций для достижения конкретных целей. Площади (в представленных сценариях это – Кировка, Площадь Революции) остаются пространством публичного, массового единения. Здесь доминируют парады, театрализованные эпизоды с сотнями артистов, реконструкции. Это место симуляции «народного тела», его мощи и единства. Театры (Челябинский государственный академический театр оперы и балетаим. М. И. Глинки) это пространство церемониального действа. Здесь праздник приобретает черты высокого искусства, становится более рефлексивным, обращенным к исторической памяти и культурным кодам. Усложнение сценографии (проекционные сетки, нити, спецэффекты) подготавливают зрителя к событию, создают атмосферу погружения через работу оркестров, театров моды, выставок. Это пространство плавного перехода из повседневности в праздник.

Темпоральный режим сочетает жесткость и гибкость. Прежде всего, конечно, неизменность дат служит основой исторической преемственности, ежегодно активируя коллективную память. Как справедливо отмечает М.С. Арканникова: «В этом смысле сценарий и режиссерский замысел отражают процесс меморизации воспоминаний, осуществляют актуализацию событий, персоналий, символов и образов прошлого в контексте современных нарративов, социальных запросов и других экстралингвистических факторов. Подчеркнем, что на данные репрезентативные практики всегда оказывают влияние политические, социальные и культурные императивы современного мира» (Арканникова, 2024: 43).

Хронометраж становится все более жестким и детализированным. Сценарии превращаются в поминутные режиссерские экспликации, где каждый сегмент (официальный блок, художественный номер, ритуал) имеет точное временное значение. Это свидетельствует о стремлении к тотальному контролю над эмоциональной траекторией события. При этом внутреннее время праздника становится более плотным и многомерным. В него вплетаются отсылки к разным эпохам: Смутное время, Великая Отечественная война, космические достижения, современные спецоперации. Праздник начинает существовать в «свернутом» историческом времени, где прошлое, настоящее и будущее постоянно диалогизируют (например, через монологи актеров, обращающихся к прадедам). Праздник становится гибридным пространством, где традиция (ритуал, дата, место) служит стабильным каркасом, а инновации (медиатехнологии, интерактивность, личные истории) наполняют этот каркас живым, актуальным содержанием, обеспечивая его воспроизводство и в новых поколениях, и в новых исторических условиях.

Разумеется, когда анализируется материал, обобщающий опыт конкретного региона (пусть и на достаточно обширной выборке), можно говорить о присутствии субъективного подхода и самобытного авторского видения (тем более, что большинство сценариев созданы в рамках одной конкретной институции). Чтобы снять возможные сомнения, проанализируем дополнительно методические рекомендации (стандарты), разработанные административными государственными структурами в рамках празднования Дня народного единства.

День народного единства 4 ноября в России представляет собой яркий пример такого инструмента, где через комплекс публичных практик и ритуалов конструируются и транслируются доминирующие государственные нарративы, формирующие смысловое поле праздника:

– ***Нарратив исторической преемственности и гражданской религии***

Праздник позиционируется не только как памятная дата, но и как день «единения прошлых и настоящих поколений через почитание исторической памяти». Этот нарратив связывает современную Россию с догосударственными и имперскими формами коллективной идентичности, создавая ощущение непрерывности истории.

– ***Нарратив мобилизационного единства в условиях внешних вызовов***

Одной из наиболее рельефных тем является прямая увязка праздника с текущим политическим

контекстом, в частности с «условиями продолжения СВО». Праздник становится платформой для демонстрации общественной поддержки официальной политики и мобилизации ресурсов. Гуманитарные миссии по сбору и торжественной отправке помощи на фронт, акции по сбору писем и вещей для военнослужащих интегрируют граждан, даже не участвующих непосредственно в боевых действиях, в общее дело. Символика здесь работает на разных уровнях: от лозунга «Народов много – Родина одна» на колоннах с гуманитарным грузом до «символической печати с веткой рябины» на конвертах. Эти практики трансформируют абстрактную идею единства в конкретные, осязаемые действия солидарности, сплачивая общество перед лицом внешнеполитических вызовов.

– ***Нарратив этнокультурного многообразия в рамках политической нации.*** В противовес мобилизационной риторике, другой мощный нарратив делает акцент на мирном, созидательном и многонациональном характере российского общества. Этот нарратив призван нивелировать потенциальные межнациональные и межконфессиональные противоречия, демонстрируя гармоничную модель «многонародной» политической нации. Фестиваль «Народное единство» в административных центрах федеральных округов демонстрирует это через несколько каналов:

- **Гастрономия:** проведение фестивалей русской кухни вместе с кухнями народов России символизирует единство через общее культурное пространство, где доминирующая русская культура выступает интеграционным стержнем;
- **Искусство и язык:** акция «Голос страны», в которой хоры из 89 регионов исполняют одну песню на разных языках, является прямой метафорой федеративного устройства и этнокультурного многообразия, подчинённого единой государственной цели («единый клип»).
- **Промыслы и ремёсла:** выставки-ярмарки и мастер-классы представляют страну как богатую традициями и уникальными локальными практиками, которые в совокупности образуют общее национальное достояние.

– ***Нарратив горизонтальной солидарности и добровольчества***

Праздничная программа активно включает в себя компоненты, стимулирующие горизонтальные связи между гражданами: проект «#МыВместе – Марафон добрых дел» позиционирует волонтёрство как новую гражданскую норму. Массовые региональные мероприятия, охватывающие «89 регионов» и более «1000 событий», призваны создать ощущение общенационального движения, инициированного «снизу». Однако, будучи централизованно организованным через платформу Добро.РФ, этот нарратив кооптирует стихийную общественную активность, направляя её в русло, одобренное и контролируемое государством. Таким образом, идея «единства» дополняется идеей «участия», где лояльный гражданин проявляет себя не только через праздничное потребление, но и через активное добровольческое действие.

В своей совокупности эти нарративы создают комплексный образ России как сильной, сплочённой перед лицом угроз, но при этом внутренне разнообразной и гармоничной страны, чья идентичность укоренена в героическом прошлом и поддерживается активной позицией каждого гражданина в настоящем. Символическая политика праздника оказывается не просто отражением идеологии, но активным инструментом её формирования и воспроизводства.

Заключение

Согласно теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона (Андерсон, 2001), нация воспроизводится через разделяемые ритуалы. Сценарная матрица обеспечивает стандартизацию этих ритуалов в национальном масштабе, создавая синхронное переживание «горизонтального товарищества» через повторяющиеся, узнаваемые практики (минута молчания, исполнение гимна, использование официальной символики), включенные в нарративные, семиотические, коммуникативные и пространственно-временные элементы воздействия. Таким образом, происходит объединение индивидов (находящихся в непосредственном включении в праздничное действо или воспринимающих его опосредованно) в единое символическое поле. И сценарная матрица оказывается в данном случае механизмом **идентификационного программирования**, производящего и воспроизводящего желаемый для государства тип гражданина.

Список источников

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. Москва : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288с.

Арканникова М. С. Инженеры смыслов в новой реальности // Инженеры смыслов в новой реальности: тренды и практики коммуникационных индустрии : коллективная монография / под ред. М. С. Арканниковой. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. С. 8–27.

Арканникова М. С. Сценарий и режиссерский замысел как коммеморативная практика в дискурсе политики памяти. Часть I. сценарий и режиссура театрализованной постановки, посвященной 125-летию СПБПУ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2024. Т.1, №4(45). С. 37–54. DOI:

10.51965/2076-7919_2024_1_4_37.

Белозерова В. В. Интеграция театрализованных представлений с пространственной средой: проблемы взаимодействия // Образование и культурное пространство. 2024. № 2. С. 128-135. DOI: 10.53722/27132803_2024_2_128.

Ванченко Т. П. Архитектоника массового праздника // Аналитика культурологии. 2008. № 1(10). С. 31–39.

Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58–65.

Плотников А. В, Липодат В. А. Режиссерский замысел в условиях социального заказа // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2020. № 1. С. 113–119.

Станиславский, К. С. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Искусство, 1954–1961. Т. 2 : Работа актёра над собой. Ч. 1. Работа над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. 1957. 421 с

Рахимова М. В., Кузнецова Т. В. В поисках тезауруса «повседневной театральности» как философско-антропологического феномена: «сценарий», «представление», «персона» // Философская мысль. 2025. № 4. С. 140–159. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.4.73858.

Черкашенинов Л. Ф. Проблемы времени и профессиональный инструментарий специалиста режиссуры праздников // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. №1(19). С.11–27. DOI: 10.32340/2414-9101-2019-1-11-27.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow, “KANON-press-Ts”, “Kuchkovo pole”, 288 p. (In Russ).

Arkannikova, M. S. (2022). Inzhenery smyslov v novoy real’nosti [Engineers of meaning in the new reality]. *Inzhenery smyslov v novoy real’nosti: trendy i praktiki kommunikatsionnykh industrii*. Saint Petersburg, POLITEKh-PRESS, 8–27. (In Russ).

Arkannikova, M. S. (2024). Stsenariy i rezhisserskiy zamysel kak kommemorativnaya praktika v diskurse politiki pamyati. Chast’ I. Stsenariy i rezhissura teatralizovannoy postanovki, posvyashchennoy 125-letiyu SPbPU [Script and director’s concept as a commemorative practice in the discourse of memory politics. Part I. Script and direction of a theatrical performance dedicated to the 125th anniversary of SPbPU]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 1, 4 (45), 37–54. DOI https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_1_4_37. (In Russ).

Belozerova, V. V. (2024). Integratsiya teatralizovannykh predstavleniy s prostranstvennoy sredoy: problemy vzaimodeystviya [Integration of theatrical performances with spatial environment: problems of interaction]. *Obrazovanie i kul’turnoe prostranstvo*, 2, 128–135. DOI https://doi.org/10.53722/27132803_2024_2_128. (In Russ).

Vanchenko, T. P. (2008). Arkhitektonika massovogo prazdnika [Architectonics of a mass celebration]. *Analitika kul’turologii*, 1 (10), 31–39. (In Russ).

Cassirer, E. (1990). Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [The technique of modern political myths]. *Vestnik MGU. Seriya 7. Filosofiya*, 2, 58–65. (In Russ).

Plotnikov, A. V. & Lipodat, V. A. (2020). Rezhisserskiy zamysel v usloviyakh sotsial’nogo zakaza [Director’s concept under conditions of social demand]. *Integrirovannye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyy opyt*, 1, 113–119. (In Russ).

Stanislavskiy, K. S. (1957). *Sobranie sochineniy. Vol. 2. Rabota aktera nad soboy. Part 1. Rabota nad soboy v tvorcheskom protsesse perezhivaniya. Dnevnik uchenika* [Collected works. Vol. 2. An actor’s work on himself. Part 1. Work on oneself in the creative process of experiencing. A student’s diary]. Moscow, Iskusstvo, 421 p. (In Russ).

Rakhimova, M. V. & Kuznetsova, T. V. (2025). V poiskakh tezaurusa “povsednevnoy teatral’nosti” kak filosofsko-antropologicheskogo fenomena: “stsenariy”, “predstavlenie”, “persona” [In search of a thesaurus of “everyday theatricality” as a philosophical-anthropological phenomenon: “script”, “performance”, “persona”]. *Filosofskaya mysl’*, 4, 140–159. DOI https://doi.org/10.25136/2409-8728.2025.4.73858. (In Russ).

Cherkasheninnov, L. F. (2019). Problemy vremeni i professional’nyy instrumentariy spetsialista rezhissury prazdnikov [Problems of time and professional tools of a specialist in directing celebrations]. *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul’tury i iskusstv)*, 1 (19), 11–27. DOI https://doi.org/10.32340/2414-9101-2019-1-11-27. (In Russ).

Информация об авторе

Д. А. Малышева – аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры, Директор АНО «Дирекция фестивальных и культурно-массовых мероприятий Челябинской области».

Information about autor

D. A. Malysheva – Postgraduate Student, Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture, Director, Autonomous Non-Profit Organization “Directorate of Festival and Cultural Mass Events of the Chelyabinsk Region”.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026, одобрена после рецензирования 20.03.2026,
принята к публикации 27.03.2026.
The article was received by the editors on 26.01.2026, approved after review on 20.03.2026;
accepted for publication on 27.03.2026.